

Прежде чем найти вход, я долго шёл вдоль монументальной стены.

Зачем такая основательность: чтобы никто не проник снаружи или внутри томятся узники, требующие надёжной ограды?

Как бы то ни было, рак у нас в почёте.

Прошёл внутрь, сообщил имя врача, к которому записан.

Точнее, к которой.

Отправил личное сообщение: «Я тут».

Получил ответ: «Сейчас спущусь».

Зашёл в аптеку, глазею.

Повсюду лекарства, лекарства, одни чёртовы лекарства и ни одного презерватива.

Бахилы есть, фальшивые сиськи есть, причём поштучно, а резинок нет.

Заглянул в соседнюю лавку, с париками.

Стою, чешу лысину.

– Можно примерить?

– Это женские.

– Мне всегда хотелось экстравагантную причёску, может, это последний шанс, неужели вы мне откажете?

Я сам удивился тому, как мой рот сменил интонации. Мой рот самостоятельно намекнул продавщице, что лысина у меня типа не просто так и я типа не посторонний зевака.

Продавщица окинула меня взглядом гробовщика, делающего примерку. Я сделал жалобные глаза и втянул щёки.

– Мужчина, – сказала продавщица голосом, которым обращаются к распоясавшимся тридцативосьмилетним шалопаям. – Мужчина, чего вы дурью маетесь, вам же не надо.

– Откуда вы знаете, что мне не надо?!

– Видно.

– Без парика холодно, – пожаловался я.

– Купите шапку, дешевле выйдет.

После неудачи с шевелюрой я отправился в кондитерский магазинчик.

По пути обогнал старика с катетером, болтающимся у пояса словно прозрачная фляжка с фантой.

* * *

В магазинчике конфеты.

Самые немыслимые коробки и коробочки. Будущие презенты для персонала любого калибра, от нянечки до главврача.

У нас докторам дарят столько конфет, что съесть их невозможно. Не удивлюсь, если местные сотрудники содержат магазинчик вскладчину – просто сдают подаренное обратно. Таким образом каждая коробка может быть продана бесчисленное множество раз, пока не истечёт срок годности.

Я решил отдать дань традиции, примерился к австрийскому шоколаду, к швейцарскому. В итоге взял куличики с посыпкой из какао.

А вот и доктор.

* * *

Идём длинными коридорами, белый халат ей к лицу. И к лицу, и к талии, и к ногам.

В лифте я крепко беру её за волосы – не парик.

* * *

В кабинете располагаются двое: моя и коллега.

У коллеги на лице синяки от косметических уколов.

Выразительно посмотрев на меня, коллега вышла.

– Раздевайся, ложись.

Я разделся и лёг.

Она намазала мой живот слизью и принялась водить по нему фаллоимитатором, присоединённым к аппарату ультразвуковой диагностики.

Разумеется, это не фаллоимитатор, просто у меня болезненное воображение.

– Какая красивая печень.

Она смотрела на экран, а я – на неё.

– В смысле, красивая?

– Такая плотная.

Дверь в кабинет распахнута, из коридора доносятся разговоры ожидающих своей очереди пациентов, кушетка, на которой я лежу, скрыта ширмой.

– На ультразвуке узнаёшь о людях всё, – она размазывает по мне слизь.

– Что именно узнаёшь?

– Ты сыт или голоден, хочешь в туалет или не хочешь.

– Расскажи про меня.

– Ты сыт.

– Но я ничего не ел, как ты и велела.

– Совсем ничего? Чай не пил?

– Не пил.

– Совсем?

– Совсем.

– Совсем-совсем?

– Чай не пил, но...

– Что «но»?

– Кофе пил.

– И всё?

– Всё.

– Один пустой кофе?

– Да, один пустой кофе. Со сливками.

– Так.

– Что «так»? Разве кофе со сливками – это еда?

– Кофе со сливками не еда, а вот бутербродик...

– Что бутербродик?

– Бутербродик ты случайно не ел, чисто символически? – Она надавила мне на живот.

– Бутербродик?

– Да, бутербродик.

– Разве что совсем маленький.

– Один?

– Три.

– А тортик?

– Эклер, – признался я чуть ли не со слезами. – Ванильный.

– Поздравляю, у тебя всё в пределах нормы, хоть ты и не натошак. – Она протянула мне салфетку.

– Вытри ты, – сказал я.

Она с нажимом протёрла мой живот, а я подумал, что приятно ощущать силу собственных мышц, противостоящих её ладони.

Она подошла к окну, высунулась, сорвала с ветки сливу, помыла заодно с руками и протянула мне.

– Каждый год урожай. Тут везде аппараты облучения. Умеренная радиация растениям тоже полезна.

Я свесил ноги с кушетки и стал есть сливу.

Она оказалась сочной и сладкой, как будто с рынка.

– Извини, я не купил резинки, – сказал я. – В последний момент спохватился, а они у вас не продаются.

– Плохой мальчик. – Она взяла меня за ухо, я коснулся губами её руки. – Сама удивляюсь, почему они здесь не

продаются. Видимо, считается, что смертельно больные думают только о лекарствах и совсем не думают о вечном.

Я всегда приношу ей презервативы. Иногда она со своим ультразвуковым фаллоимитатором должна проникать внутрь пациентов. Без резинки не обойтись. А больница не обеспечивает, приходится за свой счёт покупать.

* * *

На прощание, глядя на её декольте, я сказал, что грудь получилась очень хорошо.

– Нравится? – оживилась она.

– Хочется там жить, – ответил я и склонился, чтобы поцеловать внушительные выпуклости в вырезе халата.

– Знакомый хирург делал. Как для себя.

Мы оба рассмеялись этой двусмысленности.

– Ладно, иди, а то увидят. Напишу после суток.

Она написала раньше.

Очень вкусные конфеты.

Вкусные... значит, обратно в лавку не перепродала.